

- ³⁵ Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина. С. 140.
³⁶ Русский дипломат во Франции. Л., 1972. С. 50.
³⁷ Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 278.

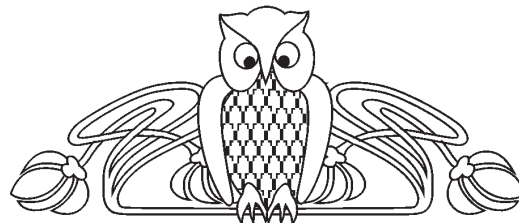
- ³⁸ Там же.
³⁹ См.: Плеханова М. Б. Куракин // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 168.
⁴⁰ См.: Письма Петра I к Б.И. Куракину // Архив кн. Ф. А. Куракина Т. I. С. 1–32.

УДК 94 (47).66+929 Екатерина II

ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II В 1762–1771 ГОДЫ

Л. К. Старкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ludastarkova-history@mail.ru

В статье рассматриваются первые инициативы русской императрицы Екатерины Великой в отношении цензуры. Статья рассказывает о стремлении власти контролировать книгопечатание, торговлю иностранными книгами во второй половине XVIII века. Большой интерес представляет анализ отношения общественно-го мнения к цензурным реформам Екатерины II.

Ключевые слова: Екатерина II, XVIII век, печать, цензура, Просвещение, книги, Академия наук, общественное мнение.

Censorship Policy of Catherine the Great in 1762–1771

L. K. Starkova

The article considers the first initiatives of the Russian Empress Catherine the Great in question of Censorship. The article gives an account of the state controlling of book printing, book delivery and book banning in the second half of 18th century. The great interest is the analysis of the public opinion in question of Catherine's censorship reforms.

Key words: Catherine the Great, XVIII century, book printing, censorship, Age of the Enlightenment, books, Academy of Sciences, public opinion.

Есть некоторая удобность в правлении:
лучше, чтоб Государь ободрял,
а законы бы угрожали.
*Екатерина II*¹

«Идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совсем другой цвет», – заметил Д. Дидро в разговоре с княгиней Дашковой². К середине XVIII в. среди столичного и провинциального дворянства России широко распространились просветительские идеи о главенстве разума, гармонии человеческой личности, праве человека на выражение своих мыслей³. Среди идей Просвещения особая роль отводилась формированию общественного мнения устным и печатным словом⁴.

Постепенно у многих российских дворян появились собственные библиотеки. Книги выписывали из-за границы и приобретали в книжных магазинах⁵. Великолепные библиотеки имели члены императорской семьи: Елизавета Петровна, Петр Федорович, Екатерина II. В воспоминаниях М. А. Дмитриева есть описания роскошных

библиотек И. И. Дмитриева и П. П. Бекетова⁶. П. А. Вяземский вспоминал о библиотечных собраниях и литературных интересах своего отца и его друзей⁷. Известны огромная библиотека графов Бутурлиных и многие другие. Например, княгиня Дашкова в 15–16 лет располагала библиотекой в 900 томов⁸. Книжное собрание барона И. А. фон Корфа, президента Петербургской академии наук, насчитывало 36 тысяч томов. В 1764 г. его книжное собрание приобрела Екатерина II⁹. Позже к собранию книг императрицы присоединились библиотеки Дидро, Вольтера, д'Аламбера, Галиани, Бюшинга, Ф. Николаи, доктора Циммермана, книги и бумаги кн. Щербатова и Болтина, библиотека Миллера и коллекции Палласа¹⁰.

Вельможи и государственные деятели вступали в переписку с иностранными писателями. В «Записках» Дашковой говорится, что И. И. Шувалов выписывал для нее заграничные издания, т. к. в книжных лавках Москвы не нашлось новых книг для ее библиотеки¹¹. Столичное дворянство начало интересоваться отечественной и зарубежной литературой. Мемуарист свидетельствует, как велика была любовь к чтению в высшем обществе. «Не имея достаточного количества книг отечественных авторов, образованные и мучимые голодом читатели поневоле должны были кидаться на французские книги»¹². Императрица поощряла переводы Вольтера, Монтескье, Дидро, Мерсье, Гельвеция, Руссо, Мабли, Юма и др.¹³ В России издали переводы рассуждения Руссо «О неравенстве между людьми» (1770), проекта аббата Сен-Пьера «О всеобщем и вечном мире» (1771), Гоббса «О гражданине» (1776).

Вместе с тем власти настороженно относились к распространению знаний о политике, законах общественной жизни, стремились исключить рассуждения в обществе и печати о деспотизме, свободе, истине и справедливости. В связи с этим следует обратить внимание на некоторую двойственность поведения правительственных кругов, которые предпочитали, по образному выражению В. О. Ключевского, «заимствовать с Запада свет знания, но без огня, которым можно обжечься, или

взять весь этот свет целиком, но не подносить его близко к глазам»¹⁴.

Политика Екатерины II в указанный период полностью укладывается в намеченную Ключевским схему. Поощряя распространение просвещения и новых идей, Екатерина II стремилась направить в определенное русло общественные настроения¹⁵, а в некоторых случаях решительно пресечь рассуждения в обществе на определенные темы. Поэтому, когда российские писатели поспешили отразить в своих сочинениях взгляды на развитие общества, а некоторые дерзнули рассуждать о политике правительства, Екатерина II ограничила непрошенную инициативу с помощью цензурных запретов. В связи с этим можно предположить, что цензура рассматривалась императрицей как своеобразный фильтр для «света» идей Просвещения.

Рассмотрим цензурную практику российского правительства с 1762 по 1771 г., когда в связи с открытием первых «вольных» типографий (1771) появилась необходимость изложить четкие требования власти к издателям и подробно регламентировать их деятельность. Следует определить, какая роль в процессе оформления цензуры принадлежит Екатерине II, какие меры предпринимались для ограждения общества от «соблазнительных» и «опасных» изданий, насколько убедительно изложены мотивы принятия властью цензурных решений в манифестах, указах, высочайших повелениях. Изучение цензурных постановлений начального периода правления Екатерины II поможет проследить процесс развития общественных запросов, интересов и определить цели правительства. Исторически сложилось, что в России последнее слово в цензурных установлениях, как и в других важных областях государственного управления, принадлежало монарху. Его именем объявлялись указы, в том числе и о цензуре. В настоящей работе мы рассмотрим часть малоизученной проблемы формирования цензуры в России в первые годы правления Екатерины II.

Взаимоотношения власти и общества по вопросам контроля печати и организация цензуры в России XVIII в. рассматривались многими исследователями в общих работах, посвященных российской истории, а также вопросам развития общественного самосознания, стремлению выразить в печати мнение просвещенного общества. Указанные проблемы исследовали С. М. Соловьев, А. Н. Пыпин, П. П. Пекарский, А. Г. Брикнер, П. К. Щербальский, А. М. Скабичевский, В. Я. Гросул, С. О. Шмидт и др.¹⁶ В. П. Семенников, Д. Д. Шамрай, В. А. Западов, А. Г. Белебрух, А. Ю. Самарин и др. являются авторами специальных исследований по цензуре XVIII века¹⁷.

Иностранные авторы в общих и специальных работах исследовали цензурные установления в России времен Екатерины II¹⁸. Первые серьезные работы зарубежных ученых по проблемам взаимо-

отношений печати, общества и власти появились в XIX в. Французский дипломат Ф. Лакруа отмечал значение умеренной цензуры для укрепления стабильности власти в России при Екатерине II, анализировал тенденции изменения цензурной политики в последние десятилетия царствования в сторону ужесточения¹⁹.

Видный британский ученый, специалист по русской истории академик сэра Бернард Парес в книге «Россия и реформы»²⁰ отметил внимание императрицы Екатерины Великой к литературе, высоко оценил просветительскую деятельность Н. Новикова. Говоря о времени возникновения постоянной цензуры в России, исследователь подчеркивал эпизодический характер цензурного контроля иностранных книг при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, который осуществлялся преимущественно Синодом. Возникновение постоянной светской цензуры в России Бернард Парес относил к периоду после драматических событий Французской революции 1791 года.

Шведский исследователь доцент истории искусств М. Олафссон использовал в своей работе данные о культурных связях Швеции и России и отметил значение для России цензурного опыта Швеции второй половины XVIII в.²¹ Профессор истории, директор Центра изучения XVII–XVIII века доктор П. Рейлл в книге «Энциклопедия Просвещения»²² подробно освещает деятельность Екатерины II в области культуры и народного образования. Говоря о книгоиздательстве и периодической печати, автор анализирует цензурные меры русского правительства и приходит к выводу, что они способствовали росту отчуждения между властью и образованным обществом.

Британский историк, профессор Абердинского университета П. Дюкс в книге «Екатерина II и русское дворянство» проанализировал различные типы цензуры, применительно к условиям России определил цензурные взгляды императрицы и подчеркнул мысль о целесообразности осторожных ограничений свободы печати²³. Американский историк искусства профессор Л. Д. О'Малли в книге «Драматические сочинения Екатерины Великой» обращает внимание на цензурную историю литературных и драматических сочинений и судьбу их авторов в России второй половины XVIII века²⁴.

Много писал об отношении Екатерины Великой к идеям Просвещения, о содержании ее «Наказа» канадский исследователь, профессор университета в Торонто доктор Чарльз А. Рууд в фундаментальном труде «Сражающиеся слова. Имперская цензура и русская пресса», изданном в университете Торонто в 1982 г. и переизданном с дополнениями в 2009 г.²⁵ Английский историк Дж. Грин в книге «Энциклопедия цензуры»²⁶ рассматривает особенности цензурной политики Екатерины II в контексте политических событий эпохи и анализирует причины принятия некоторых важных решений, касающихся цензуры.

Источники по теме можно найти в переписке Екатерины II, в служебной и частной корреспонденции государственных деятелей и частных лиц исследуемой эпохи, в официальных документах, записках, воспоминаниях²⁷.

К началу второй четверти XVIII в. европейские монархи осознавали значение печати в формировании общественного мнения и многие из них проявляли определенный интерес к идеям Просвещения. Известно, что императрица Мария-Терезия считалась с тем, что скажет о ее распоряжениях в своем журнале издатель и журналист Шлецер, король Фридрих II пригласил Вольтера в Берлин, шведский король Густав III, находясь во Франции, был знаком с Мармонтелем. Парижские литературные салоны привлекали представителей английской литературы и философской мысли, таких как Юм, Гиббон, Стерн, итальянской – аббата Галиани, Беккария, Верри. Екатерина II переписывалась с Вольтером, Дидро, д'Аламбером и интересовалась политической и просветительской литературой. Посредником в переписке русской императрицы с энциклопедистами был князь Д. А. Голицын. И. И. Бецкой переписывался с Дидро, граф А. П. Шувалов и граф А. Р. Воронцов – с Вольтером и Мармонтелем. И. И. Шувалов и князь Юсупов посетили Вольтера, кн. Козловский был посланником Екатерины в Фернэ.

Императрица понимала значение книги, сама способствовала открытию в 1768 г. книжного магазина в Санкт-Петербурге²⁸, внимательно следила за формированием личной библиотеки. Екатерина II поощряла переводы и печатание сочинений, посвященных важнейшим вопросам политики, экономики, культуры. В переводах сочинений участвовали, кроме Екатерины II, придворные и видные представители дворянства. Потемкин переводил сочинения Вольтера и Руссо, а адмирал Грейг изучал работы Монтескье и Рейналя²⁹. В обществе возник интерес к дискуссиям на литературные и философские темы, шел активный обмен мнениями по политическим вопросам. В столицах нередко газеты и журналы приобретали и для знакомых, пересылали друзьям и родственникам, обменивались интересными экземплярами, обсуждали и комментировали отдельные публикации³⁰.

Все эти изменения в общественной жизни России были невозможны без развития печати. Эта область культурного развития была, в свою очередь, тесно связана с духовной стороной жизни общества: наукой, образованием, литературой. Велико было значение книг в жизни столичного и провинциального образованного человека второй половины XVIII века. Например, губернский прокурор Добрынин, автор содержательных записок, отмечает: «... пользуясь свободой времени, читал я разные книги». Среди «особенно интересных» Добрынин называет книги по древнегреческой и римской истории, переводы Лессажа, Вольтера и Монтескье³¹.

Екатерина II интересовалась историей и литературой, сотрудничала в сатирических журналах, поощряла создание новых периодических изданий, что отвечало определенным интеллектуальным запросам части российского общества. Многие молодые аристократы в то время путешествовали за границей, знакомились там с литературными кругами общества. Екатерина гордилась тем, что в России издаются сочинения, запрещенные во Франции. В 1765 г. «Философия истории» Вольтера была быстро распродана в России в количестве 3000 экземпляров. В русском обществе появились образованные люди, которым была небезразлична судьба Отечества, стремившиеся на практике воплотить в жизнь идеалы Просвещения, воспользоваться ими для оценки окружающей действительности. В литературе все чаще высказывались мысли о свободе печати³².

Общественное мнение в России в ответ на поощрение императрицы пыталось заявить о себе, но правящие круги относились к возможным «вольностям печати» с опаской и недоверием. Поэтому параллельно с развитием литературы и публицистики в России во второй половине XVIII в. можно отметить стремление реформировать цензуру, пересмотреть принципы ее организации с учетом европейского опыта и российских традиций.

Следует отметить, что в абсолютистской России занятие литературой всегда понималось как государственная служба, словесность должна была отражать государственную политику и ее идеалы³³, поэтому еще со времен Петра I литературные произведения оценивались с точки зрения их полезности для государства и государей. Поэтому часто, несмотря на приверженность императрицы идеям Просвещения, независимость и свободомыслие сочинителей не встречали одобрения именно у Екатерины II. Неважно, шла ли речь о хвалебной оде, книге религиозного содержания или критических стихах. Основным инструментом для контроля российской печати и сочинителей стали цензурные постановления. В Европе в то время широко практиковалось уничтожение в огне неугодных произведений³⁴. Та же практика становится обыденной и для России. Ранее такие события были весьма редки и касались в основном религиозной полемической литературы. Однако традиция сохранилась и в рассматриваемый период печатные произведения, опасные для власти, публично сжигались перед зданием Правительствующего сената, за исключением церковно-богослужебных книг, в которые вклеивали перепечатанные выходные листы³⁵.

Екатерина II, поощряя увлечение книгами, в то же время с начала своего правления стремилась не допускать излишних «умствований» и «предерзостных мечтаний» подданных, поэтому охотно прибегала к цензурным методам. Первое время цензурная деятельность развивалась путем административной практики и очередное цензур-

ное постановление вызывалось каким-либо чрезвычайным случаем и отличалось односторонним, а иногда расплывчатым содержанием³⁶.

Прежде всего императрица стремилась не допустить комментирования, толкования и обсуждения распоряжений правительства, что затрагивало ее интересы и интересы придворной знати. Манифест от 4 июня 1763 г. «О воспрещении непристойных рассуждений и толков по делам, до Правительства относящимся» является одним из первых актов против свободы мысли. Причиной послужило появление «пасквилей», толкующих обстоятельства восшествия на престол Екатерины II. Подданные должны в интересах пользы и всеобщего добра «принадлежать» только своим званию и должности, всемерно «удаляясь от предерзких и непристойных разглашений и толкований, так как только слабоумные заражены странными рассуждениями о делах, которые их не касаются». Манифест запрещает истолковывать гражданские права, правительственные постановления и уставы, а также Божественные узаконения. За такие «зловредные истолкования» полагается смертная казнь. Все подданные должны жить в спокойствии и тишине, «истребя всякую вредность и непристойные званию их развращенные истолкования». В противном случае с ними поступят по всей строгости закона и «преступники» неминуемо почувствуют всю тяжесть монаршего гнева как нарушители спокойствия и «презрители монаршей воли»³⁷.

Этот манифест является откровенной попыткой призвать к молчанию образованных людей, которые могут высказать свое мнение о правительственной политике. Продолжает данную тему Указ Сената от 16 марта 1764 г., где говорится о сожжении палачом под барабанный бой пасквиля³⁸, послужившего причиной выхода Манифеста от 3 июня 1763 г., которое и было произведено Главной полицейской канцелярией. указ дает дополнительные сведения об отношении властей к толкователям правительственной политики. Здесь уже говорится о многократном подтверждении указами запрещения распространять подобные сочинения «под наистрожайшими взысканиями». Нарушители упомянутого выше указа даже могут быть подвергнуты «крайнему истязанию». В именном Указе от 17 марта 1764 г. устанавливается, что действительны только указы, напечатанные в сенатской типографии³⁹.

«Пасквили» преследовались и тогда, когда они содержали нарек на известных в обществе лиц. Например, 17 и 25 ноября 1764 г. московский генерал-губернатор гр. Салтыков сообщил императрице «о ругательном сочинении на представителей 300 знатных фамилий, рассеянном по городу в каталогах на французском и русском языке», о чем информировал власти французский купец⁴⁰. Этот факт показывает, что интерес к подобным произведениям проявлялся в разных слоях общества. В донесении также сообщается,

что купец признался, что даже сам списал несколько номеров, которые потом, после прочтения с товарищами, якобы сжег. Так как каталог видели позже в конной гвардии и «множество еще тайно носилось по городу», то Салтыков «не дерзнул сам вступить в расследование дела» и представил доклад о происшествии императрице с просьбой о высочайшем повелении, чтобы, «по обнаружении, публично сжечь этот ругательный каталог и наказать автора». В конце донесения по-французски приписано замечание Салтыкова о том, что если оставить безнаказанным этот случай, то «молодежь» или «они»⁴¹ «могут написать много чего другого». Молодежь без образования нуждается в сдерживании, поэтому Салтыков и предлагает принять строгие меры⁴². В связи с этим интересно рассмотреть поправки, внесенные в копию проекта сенатского указа гр. Н. И. Паниным⁴³. Вместо фразы «и зловредные пасквили ни в каком обществе не позволены» Панин усилил ее значение и вписал: «...поносительные, безымянные сочинения нашими гражданскими законами яко вредные общему покою признаны и запрещены». После слов «сочинители, яко злонравные, развратные и своевольные» было в начале написано «нетерпимы», заменено на «достойному наказанию осуждаемы».

Указ от 19 января 1765 г. был опубликован в «Санкт-Петербургских» ведомостях № 10 за 1765 г.⁴⁴ Он издан с учетом поправок гр. Панина и содержит распоряжение о сожжении палачом доставленных в Сенат каталогов. В этом указе более подробно описана сама процедура уничтожения «пасквиля», которая происходила на Красной площади: при собрании народа по прочтении указа палач должен сжечь негодные произведения, что и было исполнено. Впрочем, сочинитель этих пасквилей не особенно скрывался и считал свое деяние остроумной шуткой. В «Записках» С. Порошина за 18 ноября 1764 г. отмечено, что граф А. С. Строганов говорил за ужином о своих каталогах французских, «некоторые из которых выходили и весьма оскорбительные»⁴⁵.

Постепенно ограничиваются темы сочинений, допущенных в печать. Например, после прихода к власти Екатерины II прекратилось печатание в типографии Сухопутного шляхетского корпуса литературных произведений, в которых говорилось бы о восстаниях, заговорах, захвате власти при иностранных дворах. Цензура произведений, печатавшихся в типографии корпуса, оказалась в руках ее начальника, непосредственно подчинявшегося Екатерине II⁴⁶.

В это же время власти обращают пристальное внимание на порядок получения в таможенные иностранные книги и на тематику продаваемых изданий. 6 октября 1763 г. вышло «собственноручное повеление императрицы» генерал-прокурору Глебову⁴⁷. «Слышно, что в Академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во

всем свете запрещены». К таким книгам отнесли «Эмилия» Руссо, «Мемории» Петра III и «многие другие подобные». В данном случае обращает на себя внимание ссылка на цензурную практику других стран, «на весь свет», как на пример для подражания. В повелении сказано, что в столичных городах у вольных книгопродавцев «предостаточно подобных книг, которые портят нравы». Генерал-прокурору поручалось прежде всего проследить за наведением порядка в книжной лавке Академии наук. Владельцев книжных лавок, не состоящих ни под чьим ведомством, следовало обязать ежегодно сообщать реестры предполагаемых к выписке из чужих краев книг (прежде всего из Франции) в Академию наук в Санкт-Петербурге и в Московский университет. Этим учреждениям фактически было предоставлено право цензуры вышеупомянутых списков: они должны были «вычеркивать» в представленных реестрах книги, содержание которых направлено против закона, добрых нравов и самодержавной власти самой Екатерины II. На случай если объявится «преступник», продолжающий продавать запрещенные книги, лавку можно было конфисковать или выдумать какие-то другие меры. В Прибалтике за неимением училищ «смотреть» за книжными лавками предписывалось городским начальникам. При наличии училищ они должны были осуществлять цензуру по примеру университетов. На черновом варианте этого повеления есть пометка И. П. Елагина о том, что вольные книгопродавцы после объявления указа должны были для надежности еще дать подписку⁴⁸. Интересно, что в первые годы правления Екатерины II цензура именовалась в документах «рассматриванием» книг.

Генерал-прокурор Глебов объявил Академии высочайшее повеление немедленно представить «мнение» о пресечении продажи недозволенных иностранных сочинений. Примечательно, что канцелярия Академии уже 20 октября 1763 г. уведомила Сенат о том, что такое «мнение» давно составлено. Следует отметить, что еще Лейбниц, говоря об устройстве Академии в России, рекомендовал цензуру поручить Академии наук. Академики четко изложили свои предложения⁴⁹. Прежде всего, по примеру других государств, необходимо на пути книг в Россию поставить особых цензоров, причем следует ужесточить существующую цензуру и отбирать у торговцев и приезжающих «книги, противные государству, христианской вере и нравственности». Предлагалось также утвердить привилегию Академии на торговлю иностранными книгами, у нарушителей этой монополии книги конфисковывать. Желаящие «охотники до книг», то есть покупатели, должны «адресоваться» к книжной лавке Академии, которая сможет быстро доставить им дешевые книги. Авторы рекомендовали также регулярно «припечатывать известия о книжной лавке в газетах». В этом пункте заметны реклама

академической лавки и стремление приобрести новых покупателей. Выписавший книги торговец должен в порту Санкт-Петербурга при их получении представить реестр, на котором в Академии наук после рассмотрения списка поставят резолюцию, после чего книжный «досмотрщик, определенный при таможене, должен осмотр книг и допуск учинить».

В прочих портах и пограничных таможнях, особенно в Риге, такое рассмотрение реестров книг предлагалось поручить одному из членов местного управления. Академики, анализируя имеющийся цензурный опыт, рекомендовали, чтобы чиновник, «выпускающий» в порту книги, обязательно имел возможность читать иностранные ученые газеты и журналы, где публикуются отзывы о новых книгах. Сверяясь с реестром, чиновник в порту должен отпустить дозволенные книги, о сомнительных доложить в канцелярию Академии, запрещенные – конфисковать. К запрещенным традиционно причислялись книги, опровергающие основы христианской веры и гражданского общества, сочинения «соблазнительные» и пасквили, позорящие государство и народную честь. Реестр запрещенных книг должен был составляться в Академии наук. Политические сочинения рекомендовалось, не причисляя к «действительно запрещаемым», не допускать в продажу простыми торговцами. Иметь такие книги не возбранялось, их можно было привезти для себя или продавать от Академии.

Академия рекомендовала также все запретительные цензурные распоряжения держать в тайне, «чтобы публика ничего о том не ведала, и никакие противные разглашения последовать не могли как здесь, так и в чужих краях».

Следует отметить, что тема цензуры была настолько важна для Академии наук, что ей посвятили пункты 5 и 6 в Наказе Академии, данном депутату в комиссию для составления нового Уложения профессору Ф. Миллеру⁵⁰. Пункт 5 академического Наказа рекомендовал не разрешать перепечатывать сочинения без предварительного уведомления в «Ведомостях» и требовал запретить сочинителям приносить для печати свое произведение в несколько мест, «имеющих право тиснения, чтобы не нанести ущерба издателям». В пункте 6 говорится о «рассматривании книг» в Академии, чтобы решить, «какие книги выпускать, а какие удерживать». Наказ Академии также содержит краткие примеры и сравнение правил французской и английской цензуры. Французская практика, когда особые люди «дозволяют или не дозволяют полностью печатать», 9 одобрительно комментируется. Английская практика, когда «всякий свободно печатает и никто не отвечает»⁵¹, осуждается. Академики предложили ввести ответственность «каждого места за те книги, которые там печатают». Прежде всего такой порядок должен относиться к Академии и университетам. «Когда же будут заведены вольные типографии,

то Московский университет и петербургская Академия наук могут взять на себя разрешение или запрещение печатать книги в этих городах». То же и в других местах, где «заведутся вольные тиснения».

Можно отметить, что в Наказе Академии заметно стремление взять на себя цензурные заботы и существенно повысить доходы академической книжной лавки. Подписали Наказ 24 августа 1767 г. В. Орлов, Л. Эйлер, Я. Штелин, Й. А. Браин, И. Фишер, Н. Попов, С. Котельников, А. Эйлер, С. Румовский, С. Гмелин, Е. Вольф, П. Паллас, А. Протасов. М. В. Ломоносов отказался подписывать Наказ, заявив, что иностранные книги входят в ведение Сената⁵². Интересно, что за несколько лет до введения «вольных типографий» в Наказе Академии звучит уверенность в их скором появлении. Это значит, что в обществе существовали определенные настроения в пользу введения вольных типографий. О вольных типографиях ранее писал В. Н. Татищев в сочинении «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ», созданном еще в 30-х гг. XVIII века. Автор говорит о времени, когда «вольные друкарни с безопасным учреждением устроятся»⁵³. Позже в письмах к советнику И. Д. Шумахеру в Академию наук в 1747 г. Татищев напомнил о своем предложении, касающемся заведения вольных типографий, и высказал дополнительные соображения о пользе такого начинания, упомянув о мерах, необходимых для контроля деятельности типографий: чтобы «от оных какого вреда не произошло, можно достаточным уставом предостеречь, как я вам оные предосторожности прежде послал, но как оное принято, не знаю». Тогда Шумахер ничего не ответил, а спустя 20 лет в Наказе Академии упоминается о возможном появлении вольных типографий⁵⁴.

Кроме Академии наук, пункты, касающиеся цензуры, включили в свои указы Синод и полиция⁵⁵. В Наказе Синода в части дополнений епископ Переяславский Сильвестр указал на необходимость нового подтверждения законов о запрещении перепечатки духовных книг без разрешения Духовной коллегии⁵⁶. Полиция, со своей стороны, составила следующий пункт 38 в Наказе своему депутату: «Если б кто какие письменные сочинения дерзнул изъяснять против закона Божия, тех находя, полиция имела бы право отсылать в духовное высшее правительство для наказания»⁵⁷. Полиция была готова контролировать и светскую печать⁵⁸. В пункте 40 Наказа полиции указано, что «полиция пасквилей да не терпит и никаких сочинений и книг, делающих соблазн нравам и жизни человеческой; если усмотрит, отбирает оные под штрафом, кто не объявит, и истребляет с доклада высочайшей власти, а сочинитель, по обстоятельству и мере, да не останется без наказания»⁵⁹. Здесь четко указаны мотивы и меры наказания: конфискация, штраф владеющему крамольной книгой, донесение «высочайшей

власти», «истребление» книги и наказание самого сочинителя, возможность «усмотреть» (найти) опасную книгу. Все это указывает на карательный характер полицейского проекта.

Рассмотрев несколько цензурных дел, три фрагмента Наказов в части, касающейся контроля над печатью, можно сказать, что активно высказались по интересующему вопросу все участники цензурного процесса: Академия наук, полиция, Синод. Синод утверждает конечный контроль издания духовных книг, полиция планирует учредить безграничный контроль книгопродавцев, издателей и читателей, Академия наук стремится монополизировать рассмотрение и запрещение сочинений отечественных и иностранных авторов, то есть уже в 1767 г. были подготовлены условия для введения цензуры на более четких и жестких условиях, чем было ранее. В итоге в 1771 г. при появлении вольных типографий в процесс цензурного надзора включили Академию наук, полицмейстерскую канцелярию, Синод, Московский университет. По указу, известия о работе первой вольной типографии также следовало «для сведения» отправлять в Военную, Адмиралтейскую, Иностранных дел коллегии, Московский университет, Главную над таможенными сборами канцелярию, Сухопутный кадетский корпус и в канцелярию Главной Артиллерии и Фортификации⁶⁰. Таким образом, можно утверждать, что в начале 60-х гг. XVIII в. российская модель цензуры значительно изменяется. В период с 1762 по 1771 г. постепенно складывается перечень запретных для печати тем, у читателей и авторов формируется отношение к изъятию «опасных» произведений как к вынужденной и благотворной для общества мере, принятой во всех странах. Запретительные указы, составленные и одобренные влиятельными царедворцами, выходят от имени императрицы. В Уложенную комиссию направлены Наказы с предложениями усилить полномочия цензуры, внести необходимые дополнения. Следовательно, в начальный период правления Екатерины II власть старается укрепить в общественном сознании убеждение о необходимости существования цензуры, одновременно совершенствуя систему контроля печати.

Примечания

- 1 Екатерина II. Наказ Ее императорского Величества Екатерины Второй, данный Комиссии о сочинении нового Уложения. СПб., 1770. П. 515. С. 334.
- 2 Шугуров М. Ф. Дидро и его отношение к Екатерине II // Оснадцатый век. Исторический сборник П. И. Бартечева : в 4 кн. М., 1868. Кн. 1. С. 289.
- 3 См.: Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 67.
- 4 См.: Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 114.

- 5 См.: *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. Л., 1989. С. 8.
- 6 См.: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
- 7 См.: *Вяземский П. А.* Мемуарные записки // *Державный сфинкс*. М., 1999. С. 390.
- 8 См.: *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. С. 15.
- 9 См.: *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге : в 2 т. СПб., 1870. Т. 1. С. 532.
- 10 См.: *Иконников В. С.* Значение царствования Екатерины II. Киев, 1897. С. 54.
- 11 См.: *Дашкова Е. П.* Записки. Лондон, 1859. С. 6.
- 12 См.: *Вяземский П. А.* Мемуарные записки. С. 390–391.
- 13 См.: *Пытин А. Н.* История русской литературы : в 4 т. СПб., 1889. Т. 4. С. 60.
- 14 *Ключевский В. О.* Соч. : в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 80.
- 15 См.: *Шмидт С. О.* Общественное самосознание российского благородного сословия. С. 102–103.
- 16 См.: *Соловьев С. М.* Об истории новой России. М., 1993 ; *Пытин А. Н.* История русской литературы. Т. 4 ; *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. М., 2007 ; *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862 ; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892 ; *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации ; *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005 ; *Век Просвещения*. М., 2006. Вып. 2 : Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения : в 2 кн. М., 2008. Кн. 1 ; *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII века.
- 17 См.: *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху // *Русский библиофил*. 1913. № 1 ; *Шамрай Д. Д.* К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.; Л., 1958. Вып. 3 ; *Западов В. А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60–90-х годов XVIII века // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. Т. 414. Л., 1971 ; *Болебрух А. Г.* Передовая общественно-политическая мысль второй половины XVIII века и царизм. Днепрпетровск, 1979 ; *Самарин А. Ю.* Развитие книгопечатания и цензура в России (1750-е – начало 1780-х годов) // *Век Просвещения*. М., 2008. Вып. 2, кн. 1.
- 18 См.: *Green J.* The Encyclopedia of Censorship. N. Y., 2005 ; *Мардариаза И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002 ; *Dixon S.* Catherine the Great. Profile Books, 2010 ; *Caso F.* Censorship. Infobase Publishing, 2008. P. 88–89 ; *Brasch W. M.* The press and the state : sociohistorical and contemporary studies. University Press of America, 1986. P. 486.
- 19 См.: *Lacroix F.* Mysteries of Russia. Coolidge & Wiley, 1848. P. 28.
- 20 См.: *Pares B.* Russia and Reform, Constable. London, 1907. P. 260–261.
- 21 См.: *Olavsson M.* Catherine the Great and Gustav III. Stockholm Nationalmuseum, 1999. P. 119, 263, 267.
- 22 См.: *Reill P. H.* Encyclopedia of the enlightenment. N. Y. : Facts On File, Inc, 2004. P. 96–97.
- 23 См.: *Dukes P.* Catherine The Great and the Russian Nobility. (N. Y. ; Cambridge University Press, 1967). P. 86, 87, 187.
- 24 См.: *O'Malley L. D.* The dramatic works of Catherine the Great : theatre and politics in eighteenth century Russia. Ashgate Publishing, Ltd., 2006. P. 3, 73, 87, 201.
- 25 См.: *Ruud Ch. A.* Fighting Words : Imperial Censorship and the Russian Press. Toronto ; Buffalo. 2009. P. 19–22.
- 26 См.: *Green J.* The Encyclopedia of Censorship. P. 480.
- 27 Россия и Запад : горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. М., 2008 ; Екатерина II. Искусство управлять. М., 2008 ; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. СПб., 1862 ; Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980 ; *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни ; *Вяземский П. А.* Мемуарные записки.
- 28 См.: *Фафурин Г. А.* К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II : деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге. СПб., 2010. С. 12.
- 29 См.: *Пытин А. Н.* История русской литературы Т. 4. С. 12.
- 30 См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.
- 31 См.: *Иконников В. С.* Значение царствования Екатерины II. С. 68.
- 32 *Пытин А. Н.* История русской литературы Т. 4. С. 18.
- 33 См.: *Левит М.* Пасквиль, полемика, критика // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 66.
- 34 См.: *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения.
- 35 См.: *Шамрай Д. Д.* К истории цензурного режима Екатерины II. С. 187.
- 36 См.: *Нотович О.* Исторический очерк нашего законодательства о печати. СПб., 1873. С. 36.
- 37 ПСЗ. Т. 16. СПб., 1830. № 11843.
- 38 Там же. № 12089.
- 39 Там же. № 12090.
- 40 См.: Донесение графа Салтыкова о пасквилье на высшее московское общество // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 302, 303.
- 41 Так Салтыков называет предполагаемых авторов пасквиля.
- 42 Сб. РИО. Т. 7. С. 392–393.
- 43 См.: Донесение графа Салтыкова о пасквилье на высшее московское общество. С. 302, 303.
- 44 ПСЗ. Т. 17. СПб., 1830. № 12313.
- 45 *Порошин С. А.* Записки. СПб., 1844. С. 145.
- 46 См.: *Шамрай Д. Д.* Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетского кадетского корпуса // XVIII век. СПб., 1940. Сб. 2. С. 303.
- 47 Собственноручное повеление Екатерины II о мерах против распространения в России иностранных сочинений, направленных против религии, нравственности и самой государыни // Сб. РИО. Т. 7. С. 318. Черновой вариант этого повеления написан И. П. Елагиним.
- 48 Там же.
- 49 См.: *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. С. 54–56.

- ⁵⁰ См.: Наказ Академии своему депутату в комиссию для составления нового Уложения профессору Ф. Миллеру // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 43. С. 371–373.
- ⁵¹ В Англии в случае запрещения статьи издатели отвечали в суде наряду с авторами. См.: *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения.
- ⁵² См.: *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. С. 56.
- ⁵³ *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. М., 1887.
- ⁵⁴ См.: *Андреев А. И.* Переписка В. Н. Татищева за 1746 – 1750 гг. // Исторический архив. М., 1951. Т. 4. С. 274–276. Издание печатается в настоящее время.
- ⁵⁵ См.: *Ruud Ch. A.* Fighting Words : Imperial Censorship and the Russian Press. P. 19.
- ⁵⁶ См.: Избранному Святейшим Правительствующим Синодом Депутату в Наказ пункты. Приложения о подтверждении законов от епископа Переяславского Сильвестра // Сб. РИО. Т. 43. С. 429.
- ⁵⁷ Выбранному от главной полиции депутату Наказ для предоставления в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения // Сб. РИО. Т. 43. С. 302.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 19. № 13572 от 1 марта 1771 г.

УДК [37(47)(09):303.446.4(47)]18/19]+929 Александр II

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА II: ОЦЕНКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А. Н. Поздняков

Саратовский государственный университет
E-mail: alnikpoz@mail.ru

Образовательная реформа являлась органической составной частью комплекса мер по реформированию социально-экономической и политической жизни России в период царствования Александра II. Уже в конце XIX – начале XX в. реформа образования стала предметом научных исследований. Они ценны тем, что фактически заложили основы историографии отечественного образования. В статье дается обзор этих исследований, делаются выводы о сложившихся в научной среде конца XIX – начала XX в. оценках реформирования отечественной системы просвещения. **Ключевые слова:** историческое исследование, система образования России, реформа.

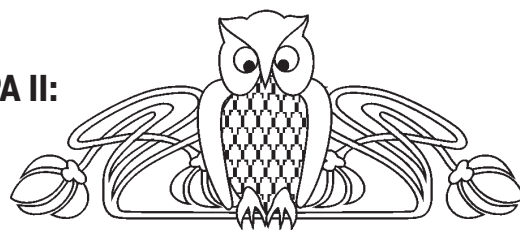
The Education Reform of Alexander II: Evaluative Judgments in Historical Writings of the Late XIX – Early XX Centuries

A. N. Pozdnyakov

The education reform was an integral part of a set of measures to reform socio-economic and political life in Russia during the reign of Alexander II. The education reform became the subject of scientific research as early as the late XIX – early XX century. The value of these studies lies in the fact that they laid the basis for the historiography of education in Russia. The article provides an overview of these studies and summarizes the attitudes towards the reform of the system of education in Russia which prevailed in the scientific community of the late XIX – early XX century.

Key words: historical research, Russian education system, reform.

В 2011 г. исполнилось 150 лет Великим реформам императора Александра II, начало которым было положено отменой в 1861 г. крепостного права. Этот важнейший государственный акт сопровождался комплексом мер по

реформированию многих сфер жизни общества и государства. В числе актуальных оказались и проблемы, связанные с развитием образования. На их решение были направлены значительные усилия государства и общества.

Реформаторская деятельность Александра II с самого начала привлекала к себе внимание российских историков. Во второй половине XIX – начале XX в. появилось немало исследований, посвященных данной проблематике. Они были разными по характеру и объему, широте охватываемых проблем, глубине анализа исторического материала и представленных выводов. По-разному оценивались в них и реформационные процессы в сфере образования.

Анализ взглядов этих исследователей, с нашей точки зрения, представляет значительный научный интерес. Авторами опубликованных в конце XIX – начале XX в. работ были если не участники преобразований, то те, кто использовал данные, полученные от непосредственных участников реформационных изменений. В качестве источника их исследований выступали материалы, часть из которых была впоследствии безвозвратно утеряна. Таким образом, данная категория исследований сама стала важным историческим источником. Она существенно обогащает систему научных знаний о реформировании отечественного образования в середине XIX в., позволяет составить объективную картину исторического процесса.

Анализ опубликованных работ касается в основном проблем, имевших отношение к реформированию начальной и средней школы. Преобразования здесь носили радикальный характер и заложили основы школьной системы, просуществовавшей с некоторыми изменениями вплоть до 1917 года.